

АЛЁНА

ЕВГЕНИЙ САПАЧ

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Евгений Сапач

Алёна

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70247296
SelfPub; 2024*

Аннотация

А девушкам и того сложнее: попробуй сказать, что ты посмела спать с тем, этим и теми двумя. Да еще без чувств, без отношений. Просто для здоровья. Элементарно захотелось. Топор общественного порицания быстро обрубит твои гулящие пол тела. Их уже не спасти. Погибшее, но милое создание. Дальше ушат грязи за плечи и пара кулуарных междусобойчиков, чтобы другим неповадно было. Сёстры должны держаться вместе. И блядтсвовать втихаря, с выключенным светом и завешенным зеркалом. Тогда не считается.

Евгений Сапач

Алёна

Глава 1

Женя, ты выглядишь как мужлан. Это тебе не ночной клуб. Цэпуру свою сними. Ей богу, решала из 90х. И вообще стань в дальнем зале. Всех посетителей распугаешь – именно такой фразой встретил меня первый рабочий день в одном из некогда известных и популярных винных баров Минска. Точнее не день – администратор. Назовём её, скажем, Алёной. Несмотря на свою принадлежность к “прекрасному” полу, она была именно администратором. Это гордое звание она носила на своих яйцах, сопровождаемых членом, который она клала на мнение каждого несогласного.

Алёне было слегка за 30. Мне недо 20. Но по какой-то неизвестной для меня причине, Алёна, видимо, решила воплотить в моей юной персоне образы всех своих бывших, может и будущих. Пишу об этом со знанием дела. Ведь в команде было достаточно парней официантов, но именно я неправильно дышал, стоял, смотрел, жил. Благодарю вселенную, что Алёна не присутствовала на моих родах, иначе бы я получил добрый десяток замечаний ещё на этапе схваток.

Забегая далеко вперёд скажу – цэпуру пришлось снимать

перед каждой сменой. Иногда, по привычке, я снимал её даже в свой выходной, когда шёл просто отдохнуть. Тогда друг, зная мою самоотдачу во время таких мероприятий, на полном серьёзе говорил:

– Ты это, наоборот. Крестик лучше надень. Бережёного, знаешь...

– Знаю – перебивал я, застегивая цепочку. А то реально мало ли что.

Алёна. Эта была вполне себе самодостаточная – по крайней мере очень хотела такой казаться – женщина с темным каре. Она любила... искренне любила вино, много знала о нём. Алёна всей душой отдавалась вину. Она приходила даже в свой выходной, но только уже не на работу – пропустить бутылочку, другую в компании своих подружек. Там это было разрешено, в отличие от многих других заведений, которые запрещают отдыхать

там, где ты работаешь. Ещё бы! Видели ли вы хоть раз бухгалтера, адвоката,

заводчанина, который приходил бы к себе на рабочее место, извините меня,

побухать. Такую роскошь себе может позволить только сторож. И трудовик на

выпускном. Возможно, именно в этом и крылась причина несчастья, которое как червь точило Алёну изнутри. Почему сразу несчастья – возмутится въедливый читатель. Отвечаю: человек, который столько пьёт и работает... поверьте, едва

ли его можно назвать счастливым. Человеку нужен человек. Кто-то там сказал и, наверное, оказался прав. Но это лишь догадки.

Алёна, к моему большому сожалению, так и осталась для меня непрочитанной – скорее непонятой – книгой. Она и её неподдельная неприязнь ко мне. Двух месяцев – а именно столько проработал я в этом заведении – оказалось совершенно недостаточно, чтобы зарыть этот топор войны. Войны, которую она объявила про себя, где-то на задворках своего здравого смысла (искренне верю, что он у неё был).

Кто ж знал, что через энное количество лет я буду стоять совсем в другом заведении. В другой стране. Но уже в качестве гостя. Тем не менее, кое-что осталось неизменным: выражение моего лица – в простонародии – заточка. Белым шумом в голове звучат слова Алёны: “Не стой как мужлан!”... Не могу, Алёна, не-мо-гу! Стою и думаю, какого чёрта я вообще здесь делаю? Заказываю еще одно пиво. Четвертое или пятое. Да какая разница.

Поскорее бы сбросить с себя маску неприветливого типа. Этакого выходца школы разведчиков времен СССР. Скорее бы затеряться в этой пьяной толпе, тусовочной массе. Скорее бы пришёл Женек со словами: “Алёна, ты моя лейла”, растворил её в танце и сделал счастливой, чтобы она больше никогда не срывалась на молодых и неопытных юношей. Им от этого болит.

Глава 2

Меня как назло не брало. Знаете, бывали ситуации, когда я просто молил всех мыслимых и немыслимых винных богов подарить мне иммунитет. Вечера, когда мне было архиважно оставаться трезвым. И, конечно же, именно на таких ивентах я “вытворял”. Я заново изобретал слово стыд. Иногда даже не нескольких языка – лингвист как-никак.

В этот же вечер я был стоек как оловянный солдатик. Пиво было крысиным королем, ехидно насвистывавшим трезвую кадриль. Оно было алчной девицей, которая тянула из меня деньги, не давая ничего взамен. В отличие от последних, от пива такой подставы не ожидал. Пошёл за виски. Любой студент знает: верный способ достичь желаемого – игра на понижение. Бутылка водки на двоих и сверху шлифануться “жигулём”. Цена – качество. Главное, побыстрее добраться до локации. Идеально, когда накрывает на танцполе. Хреново, когда фейс ту фейс с охранником. Еще хуже – на общажном стуле. На котором собственно тусовка и началась (а для тебя и закончилась). Тогда все вливания были впустую. Да, именно так мы познавали основы инвестиций, а не через все эти фьючерсы, хую..

Понижать, как вы поняли, я не мог. Оставался олл-ин.

Ставлю всё на Johnnie Walker – красное. Чёрное кусается. Нервно наблюдаю за шариком на рулетке моей трезвости. Интуитивно ассоциирую его с фортуной. Жду не дождусь, когда Якубович крикнет: “Букву!”.

–В говно!

–Браво! Откройте слово целиком!

По-прежнему не берёт. Нужно дать время, думаю про себя. Всё приходит вовремя для того, кто умеет ждать – подсказывает мне господин Толстой устами Кутузова. Коротая время, пытаюсь вписаться в варшавский денс. Ол ай нид, по приглашению которого я и решился спрыгнуть с островка своей статичной непоколебимости обрывается польским модным треком. Почему модным? Потому что танцпол мгновенно разрывается несколькими сотнями голосов. Может даже тысячами:

“Bandyta dziary na pół ryja bo kurwa je lubię a co
Żaden ze mnie bandyta pierwsze słyszę
Chcę pomóc pani babci przejść przez jebaną ulicę
Chcę pomóc pani babci”

Разбираю только курва и ебана. Мотивчик забористый. Ладно, можно попробовать. У всех у нас было “пение” в школе. Открывать рот под музыку я научился. Правда, очень долго потом пришлось учиться его вовремя закрывать. И ох как не уверен, что научился. Окей, качает.

Невольно начинаю сравнивать. Кожей ощущаю, что здесь по-другому. Декорации вроде бы такие же, как и на родной Зыбицкой или Октябрьской. Актеры, массовка. Костюмы может чуть концептуальнее и *plus à la mode*. Нет, не с иголки, не блестящие. Потрепанные, но стильно и гармонично вписывающиеся. Они по росту своим героям, соответствуют времени, месту и психологическому портрету. Они выглядят к месту. Это не сельский показ мод на подиуме, который смастерили из остатков деревенского туалета. То есть из говна и палок. Нет, каждый выглядит так, как ему нравится, удобно или ещё по каким либо причинам он решил выглядеть именно так. И всем плевать на то, как выглядишь ты. Плевать!

Вот же! Вот оно! Нащупал! То самое отличие, которое не давало мне покоя. Конечно же, всем плевать. Ты волен вести себя так, как тебе заблагорассудится, не рискуя словить осуждающий взгляд или ноту протеста. Ты свободен в своей лютой придурковатости или бьющей обухом правильности. Насрать! Именно поэтому мне никто не мешал странно стоять и попивать в тот вечер. Чудаковатым я был только сам для себя. Все остальные банально не обращали на меня никакого внимания.

Ах, этот эгоцентризм. Что всем до тебя есть дело. А ведь в нашей постсоветской тусовке так есть. Эхом раздаётся но-

вость даже о новой пассии. Поэтому такие обновления часто замалчивают. Хотя бы первое время. А девушкам и того сложнее: попробуй сказать, что ты посмела спать с тем, этим и теми двумя. Да еще без чувств, без отношений. Просто для здоровья. Элементарно захотелось. Топор общественно порицания быстро обрубит твои гуляющие пол тела. Их уже не спасти. Погибшее, но милое создание. Дальше ушат грязи за плечи и пара кулуарных междусобойчиков, чтобы другим неповадно было. Сёстры должны держаться вместе. И блядствовать втихаря, с выключенным светом и завешенным зеркалом. Тогда не считается.

Быстро проглотив западную пилюлю пофигизма, я начал ловить вайб. Радужный и веселый. Здесь и сейчас. Просто потому что могу. Впервые в жизни благодаря, а не вопреки.

И всё же снова что-то не даёт покоя. Что-то довлеет надо мной, камнем висит на шее моей тусующей Муму. Жжет и зудит как раздражение после первой депиляции. Начал смотреть по сторонам в надежде понять, где же Герасим, который раскачивает мою пятничную лодку. Мой party bus с трезвым водителем.

В дальнем углу ловлю взгляд. Обычно, это моя забава – испепелять взглядом прохожих. А здесь уже наполовину кремирован я. Всматриваюсь. Не верю своим глазам. Может наконец таки сыграла моя ставка и меня накрыло. Иду

навстречу. Загадочная персона не двигается. Приближаюсь. Замираю. В самом неожиданном месте, в самое неожиданное время в мою жизнь с разгона врезается она – Алёна.

Глава 3

Какое-то время не решаюсь подойти. Стою. Этакий тополь на Плющихе. Выгляжу полным идиотом. Нужно было сразу развернуться и уйти. Точно идиот. Сто процентов она давно заметила меня. Меня и мои неловкие потуги. Колотится сердце, Сахара во рту. Прохожу все стадии стыда: робость, застенчивость, ненависть к себе и самобичевание. На секунду показалось, что весь танцпол развернулся и с нетерпением ждёт решительных действий. Застенчивым здесь не место. Только активный, уверенный треш.

Кое-как выкруливаю из эмоционального пике. Не она. Просто очень похожа. Да и откуда мне знать, как она выглядит. Я не видел ее 5 лет. Нет-нет. Точно не она.

Если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе. Черт. Черт бы побрал этих женщин за 30. Они, в отличие от тех, кто помоложе, чаще знают, чего хотят. Не обременяются стеснением. Ледокол любви, не знающий отказов. Алёна подходит так близко, будто никогда не слышала про социальную дистанцию и полтора метра. Дерзко и безжалостно по отношению к юному дарованию.

– П...,привет. Знакомы?...– выдавливаю я так туго, что остатки зубной пасты в тубике покажутся распутной девкой, готовой отдаться первому встречному.

– Глупый. Ты что, малыш, совсем намеков не понимаешь? Почему, думаешь, я на тебя уставилась? – с элегантной улыбкой нетрезвой женщины произносит она.

А я не думаю. Мыслительные процессы терпят сбой. Алёна, как заправский киберпартизан, хакнула базу моих данных. Нагло посмотрела самые смелые мысли и желания. И сейчас, осознавая мою беспомощность, ринулась каленым железом пьяной сексуальности изгонять из меня неуклюжую угловатость. Пытаюсь собраться.

– Здесь шумно. Пойдём отсюда, – не ослабляет она хватку.
– Пойдём...

Молча покидаем танцпол “Ракеты клуб”. Краем глаза замечаю её улыбку. Алёна довольна собой. Празднует триумф. Она на высоте. Выходим к знаменитой пальме у дорожного кольца. Дальше “Новый свят”.

– К тебе или ко мне?

Помнишь айсберг, который погубил Титаник. В отличие

от всем известной истории, сейчас крушение терпит ледяная глыба. Глыба моей непоколебимости и известной моим близким способности выкручиваться из любой ситуации. Пиздеть – не мешки ворочать. Так я всегда думал. До этого момента. Язык связали морским узлом тысячи матросов. Вокруг полный штиль. Ни одного спасательного круга. Я почти погиб. Как вдруг вселяющие надежду на спасение огни “Пьяной вишни”.

– Может выпьем? – изо всех сил стараюсь казаться невозмутимым.

Кто-то мне сказал, что девушки не любят лишних вопросов. Верный способ получить желаемое – незамедлительный переход к действию. Никогда не разделял этот подход: хочется ведь блюсти демократию, выяснить, чего хочет женщина. Здесь ситуация была патовая. Решил прислушаться к себе другому. Не дожидаясь ответа, беру её за руку и уверенно двигаюсь по направлению к “Вишне”. Ни одного упрека. Работает. В глубине души понимаю, что это не последняя вишня. Будет ещё одна, которую предстоит положить... на торт. Берём по бокалу. Заказываю “на месте”. Тяну время.

– Как дела?

– Какая разница? Разве это важно? – отрывисто барабанит Алёна.

Улавливаю нотку грусти в голосе. Начинаю понимать истинную причину её активности.

– Зачем ты здесь?

– По работе.

– Нет, не в Варшаве. Здесь, со мной? Помнится, ты не упускала ни одной возможности меня унижить. Показать, что я не такой. Что я неправильный – как грёбаный психоаналитик – а скорее психопат, – наседаю я.

Мне кажется, что даже ком подкатил к горлу. Господи, неужели это до сих пор меня трогает? Такая мелочь. Какая-то явно неуверенная в себе женщина, пользуясь своим служебным положением, срывается на тебе. Таких историй на каждом углу.

Алёна молчит. Выдерживает не академически долгую мхатовскую паузу. Делает глоток. Достает красный мальборо – ещё одна деталь, которая свидетельствует о не мужских даже – о нечеловеческих яйцах!

– Куришь?

– Вообще нет. Но сигаретку выкурил бы.

Алёна вкусно затягивается. Бумага хрустит так оглушительно, будто мне в капюшон подкинули с десятков петард. Куда менее привлекательно с сигаретой выгляжу я. Никоти-

на в ней больше, чем тестерона в моём организме. Чуть сдерживаюсь, чтобы не закашлять.

– Он изменил мне. Обвинил в произошедшем. Якобы я слишком часто пила. Сажу на стакане – так он это называл. Ревновал к вину, к моей работе. Переспал со своей “ученицей”. Пресной, но подтянутой дурой. Инстаграм помнит сотни тысяч таких.

Снова затягивается.

– Думаю, это был заведомо неудачный союз. У него в семье никто не курит, не пьёт.

Здесь Алёна одним глотком приканчивает оставшиеся полстакана.

– Он весь такой на фитнесе. Фитоняшка, её богу. Невинно-девственная грудка мышц. И рядом я. Тяжелее бокала ничего не поднимала в своей жизни. Мне казалось, что рядом с ним изменяюсь. Стану лучше. Начну заниматься. ПП. Трезвый бранч по воскресеньям. И ведь всё так и было. Вначале.

Я очень люблю искренность, люблю, когда можно с человеком вот так, без обиняков. Но здесь я стал переживать. Алёна очевидно начала раскрываться. Я боялся, что не смо-

гу закрыть этот ящик пандоры.

– Дальше я начала испытывать легкий дискомфорт. Мне хотелось пропустить бокальчик, другой. Позволить себе гастрономический оргазм (к сожалению, я не могла с ним позволить другого, но ведь женщины часто готовы отказаться от “себя” в пользу любимого). Я уже стала забывать язык вина. Он специфичен. Человеку непосвященному разговор сомелье покажется странным, двусмысленным и даже комичным. Именно так и воспринимал его мой экс. “Тело” существовало только в границах качалки. А танины он воспринимал как вещи, забытые некой Татьяной.

Во мне эхом отбиваются её рассуждения о вине. Сразу вспоминаю о “душе” вина. В зависимости от того, насколько легко и быстро или, наоборот, с трудом и долго вино проявляет свой букет, его называют открытым или закрытым. Попади я в винную бочку – был бы открытым простачком. Вином на вечер. Уж слишком быстро открываюсь.

– Я пыталась. Хотела сохранить эти отношения. Не знаю, зачем. Наверное, думала, что он излечит меня от моей же “неправильности”. И примерно в этот момент появляешься ты. Весь такой правильный. И ещё в таком месте, где каждый: работник и гость, директор и клинер разделяли мою любовь к вину. Как же ты был похож. Я не могла стерпеть

зла. На тебя. Точне на него. Всё то, что я хотела, но так боялась сказать ему – говорила тебе. Ты был моей болью и моим спасением одновременно. Мне грело душу, что я могу не выпустить тебя на смену, заставить мыть приборы, уйти в самый дальний угол. Меня грело чувство вседозволенности. Будто я вырвалась из оков. Более того, я поместила в них тебя – моего правильного бывшего.

Сказать, что я был ошарашен – ничего не сказать. В свои 20 стал заложником чужих разборок. Пленником стороннего конфликта. Я одновременно был рад осознать, что дело не в моей дефектности. С другой стороны, подкашивала ситуация. Как же так? Личное на профессиональное? Как ты посмела? Кто дал тебе такое право? Я чуть сдержался, чтобы не сбежать в тот же момент.

– Извини. Я была не права, – видя разочарование произносит Алёна.

Перебиваю:

– К тебе!

Я уже не мог сдерживать чувств. Я устал от разговоров. Мне хотелось действовать.

Много целуемся в такси. Хорошо, что ехать недалеко. Ещё километр и нетолерантный Нусгар высадил бы нас на ближайшем перекрестке. Также неистово целуемся в лифте. Пять этажей вакханалии, которой грешат разве что подростки. Нервные попытки попасть ключом в замочную скважину. Как Гензель и Гретта, оставляем тропинку из вещей, чтобы не заблудиться. Куртка, рубашка, брюки. Пальто, платье, бельё. Алёна в диком порыве страсти хватается меня за шею.

Стоп. Чего-то не хватает. Не могу понять – чего... Машинально провожу рукой по горлу. Цепочка! Где цепочка? Та, что некогда подарила мне мама и которую так упорно заставляла снимать меня Алёна, во времена нашего рабочего союза. Её нет!

Сразу не понимаю, куда могла деться? Я никогда ее не снимаю. Потерять не мог. И здесь, прямо в затылок, ударяет бумеранг воспоминаний. Увидев Алёну, я совершенно непроизвольно снял цепочку. Настолько сильна была установка, собачий рефлекс. Вот так, спустя годы, всё ещё интуитивно боялся праведного гнева строгой начальницы.

Тело Алёны, как ошпаренный уж, изгибается на двуспальной сковороде.

– Что?!

– Извини. Я без цепочки не могу.

Встаю. Прохожу мой аварийный путь Гензеля. В обратном порядке собираю сорванные с меня вещи. Обнаженная Алёна на оголённой постели. Сидит. Я очень хотел бы забраться к ней в голову. Понять, что там происходит? Но я не хакер. Молча захлопываю дверь. Спускаюсь. Пешком иду в свою “прагу”. Деньги на такси к Алёне были последними. Ни о чём не думаю. Музыка замещает поток мыслей. Подпеваю. Час – и дома. Скидываю куртку. Ничего больше. Я больше не хочу раздеваться этим вечером. Засыпаю.

Открываю глаза – вторник. Всё это приснилось.

Бывает, что наши желания накрывают нас в самый неожиданный момент. Так и произошло. Зелёный змей, которого я с задором дворового хулигана грозился намотать на кулак, обвил мою шею и перекрыл кислород сознанию. Ставка-таки сыграла. Как заправский пилот, видимо, добрался домой по приборам. Со стаканом на бортовой панели.

Глаза мои полны утреннего гноя и сожаления. Мгновение спустя – слёз. Казалось бы – в горле комок – юношеская травма проработана и давно забыта. Блюдо, по всем законам жанра, подано холодным. До неприличия. Получи. Но всё это произошло в моей пьяной фантазии, с которой мы подписа-

ли договор. Негласное, но взаимовыгодное соглашение. . Я её – она меня.

Отравленный токсинами мозг не выдержал напряжения, дал сбой. Нервная система устала бороться с травмами, выдав мне самую безобидную. Спасибо и на этом. Волнует только одно. Что выстрелит дальше? И справлюсь ли я в следующий раз.